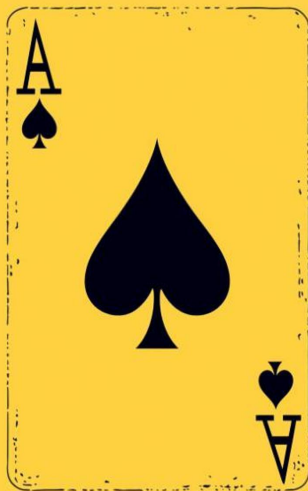

Александр Восьмой

Книга 6. «Даффи Толстяк и Последний Ужин»

Александр Восьмой

Книга 6. «Даффи Толстяк и Последний Ужин»

<https://litres.ru/74428679>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даффи всегда был самым спокойным. Пока есть еда, тепло и компания — чего бояться? Но в Разломе еда помнит вкус живого. Последний Ужин — праздник, на который Разлом приглашает шестерых героев. Стол накрыт. Блюда — их любимые. Но каждое блюдо приготовлено из памяти того, кто его ест. Надкусить — значит забыть кусок себя. Даффи должен выбрать: есть и терять себя, или не есть и смотреть, как остальные забывают его. В этой книге Даффи Толстяк раскрывается не как комический персонаж, а как самый человечный из шестерых. Тот, кто готов голодать, лишь бы помнить.

Александр Восьмой

Книга 6. «Даффи Толстяк и Последний Ужин»

Глава 1. «Приглашение на языке пламени»

Пергамент был старым — будто его вырезали из свитка, которому сотни лет. Сургучная печать треснула под пальцами Оптима, и в нос ударил запах тёплого хлеба с тмином — точно такой, какой пекла бабушка в его детстве. Он стоял на крыльце, сжимал билет так, будто тот мог рассыпаться в пыль, и чувствовал, как по спине ползёт холод, не имеющий отношения к ветру.

Фаргус нашёл свой билет под дворником машины. Когда он поднял его, стекло покрылось изнутри инеем, хотя на улице стояла тёплая осень. На пергаменте было выведено всего одно слово: «Приходите голодными». И от этих букв веяло чем-то древним, голодным, будто само пространство шептало: «Ты уже опоздал».

Прима обнаружила свой билет внутри разбитых часов. Механизм давно остановился на 3:33, и когда она потянулась за пергаментом, стрелки вдруг дёрнулись и пошли назад. В этот миг ей вспомнился голос матери, который она считала забытым. Запах печенья с корицей ударил в голову, и Прима поняла: билет не просто нашёл её — он знал, что именно

заставит её пойти.

Окси нашёл свой билет в пасти мёртвой птицы. Птица лежала на асфальте, словно её сбросили с неба. Пергамент был тёплым, будто его только что держали в руках. От него пахло жареным миндалем — любимым лакомством Окси из детства. Но стоило ему поднести билет к лицу, как запах сменился чем-то гнилым, металлическим. Он сжал зубы и сунул пергамент в карман. Если Разлом хочет поиграть, пусть попробует.

Даффи Толстяк нашёл свой билет между страницами старой поваренной книги. Он как раз собирался приготовить рагу — что-то простое, сытное, чтобы прогнать нарастающую тревогу. И тут между рецептами с пожелтевшими краями лежал пергамент. От него пахло тушёной говядиной с лавровым листом — его любимым блюдом. Даффи замер, глядя на единственное слово на билете. «Приходите голодными». Он усмехнулся, но в груди что-то ёкнуло. Впервые в жизни еда не принесла ему спокойствия.

Сиринити нашла свой билет в ладони спящего ребёнка. Она сидела рядом с кроватью, держала малыша за руку, потому что тот всю ночь кричал от кошмаров. А когда проснулась, в её собственной ладони лежал пергамент. Запах был странным — не едой, а чем-то неуловимым, похожим на запах дождя на горячем асфальте. И в этом запахе пряталась тоска по дому, которого у неё никогда не было.

Они не договаривались встретиться. Но все шестеро ока-

зались на последнем повороте дороги — там, где карта обрывалась, а асфальт переходил в серую пыль. Здесь заканчивался привычный мир. Здесь начинался Разлом.

Впереди мерцал свет. Не электрический, не солнечный — а будто сотканный из теней и воспоминаний. И там, за мерцанием, стоял стол. Длинный, накрытый белоснежной скатертью. На нём дымились блюда — каждое точно такое, какое каждый из них любил больше всего на свете.

«Последний Ужин», — прошептала Прима, и её голос утонул в тишине.

Оптимист шагнул вперёд, но Фаргус схватил его за рукав.

— Ты чувствуешь? — прохрипел Фаргус.

— Что?

— Будто воздух здесь... пробует нас.

И в этот момент Даффи понял то, чего остальные ещё не осознали. Еда в Разломе не просто насыщает. Она забирает. Каждый кусочек стирает из памяти что-то важное. Надкусить — значит забыть кусок себя.

Он посмотрел на дымящееся рагу, на ломтики хлеба, на чашку горячего шоколада. И впервые в жизни Даффи Толстяк не хотел есть.

— Мы не должны садиться за этот стол, — тихо сказал он, и голос его прозвучал неожиданно твёрдо.

Но стол манил. Запахи кружили голову, заставляли желудок сжиматься от голода, которого раньше не было. Прима сделала шаг вперёд. Окси стиснул кулаки, будто пыта-

ясь удержать воспоминания. Сиринити закрыла глаза, словно надеясь, что, когда она их откроет, стола не будет.

Разлом ждал. Он был терпелив. Он знал: рано или поздно голод победит страх.

Оптима посмотрел на Даффи.

— Ты самый спокойный из нас, — сказал он.

Даффи криво улыбнулся.

— Может быть. Но я не хочу забывать, кто я.

Ветер взвыл, и скатерть на столе взметнулась, будто живая. Тени вокруг стола шевельнулись, принимая очертания тех, кого они уже почти забыли.

Шестеро стояли на границе. Между прошлым и пустотой. Между памятью и забвением.

И Разлом тихо прошептал: «Выбирайте».

Глава 2. «Коридор из голодных обоев»

Коридор не имел конца — только перспективу, которая съедала горизонт. Стены были оклеены слоями бумаги: старые меню, выцветшие рецепты, списки покупок, исписанные торопливым почерком. Казалось, будто кто-то вырвал из мира все воспоминания о еде и приклеил их сюда, чтобы стены дышали голодом.

Оптима провёл ладонью по бумаге и замер. Почерк был знакомый до дрожи — мамин. Он узнавал каждую закорючку в строчке «пирожки с капустой, 3 шт.». И от этого становилось страшнее, чем от любой тени в углу.

Фаргус тронул обои чуть выше уровня глаз. Они были тёплыми, почти горячими, будто за ними действительно стояла плита, и на ней что-то томилось, булькало, подрумянивалось. Он наклонился ближе и услышал тихий, едва уловимый звук — будто кто-то помешивал ложкой в кастрюле.

— Это ненормально, — прошептал Фаргус, отдёргивая руку.

Прима шла чуть впереди, скользя взглядом по строчкам. Её лицо становилось всё бледнее. В одном из списков покупок она увидела своё имя, написанное в графе «для кого»: «Прима — шоколад, 2 плитки». Ниже шли продукты, которых она не ела с детства.

Окси двигалась быстро, почти бесшумно, но её пальцы дёргались, будто хотели сорвать эти листы, разодрать их в клочья. На одном из рецептов она заметила пометку на полях: «любимое блюдо Окси». И рядом — способ приготовления, которого она никогда никому не рассказывала.

Даффи Толстяк шёл последним, но не потому, что боялся. Он читал рецепты вслух, будто пытался вернуть коридору обыденность, прогнать из него магию.

— «Запечённая курица с чесноком и тимьяном»... «Картофельное пюре, как у бабушки»... «Торт „Наполеон“, три коржа»... — его голос звучал нарочито спокойно, но в нём уже проскальзывала дрожь.

И чем дальше они шли, тем чаще в списках встречались их имена. Не просто упоминания, а детали: любимые специи,

тайные слабости, блюда, которые они ели в самые счастливые или самые горькие дни. Разлом не просто приглашал их — он изучал их аппетиты, собирал коллекцию их желаний, чтобы потом превратить их в оружие.

Сиринити остановилась у места, где обои накладывались друг на друга в десять слоёв. Она осторожно подцепила верхний лист и увидела под ним список, написанный на языке, которого не знала. Но смысл она поняла сразу: это был перечень того, что каждый из них когда-либо терял. Еда здесь была памятью. А память — валютой Разлома.

— Мы идём прямо в его пасть, — тихо сказала Сиринити. Оптима сжал кулаки.

— Но мы уже зашли слишком далеко, чтобы повернуть назад.

Даффи остановился у особенно плотного скопления листов. На одном из них было написано: «Рагу — любимое блюдо Даффи. Порция: одна. Но хватит ли?» Он смотрел на эти слова, и в его глазах читалось понимание: Разлом знал, что для него еда — это не просто вкус, это чувство безопасности. И теперь это чувство использовали против него.

Он поднял голову и посмотрел на остальных.

— Я не хочу есть то, что приготовили здесь, — сказал Даффи, и голос его прозвучал твёрже, чем кто-либо ожидал.

Прима хотела возразить, сказать, что голод может сломать их раньше, чем любой монстр, но слова застряли у неё в горле. Потому что в этот момент обои на стене шевельнулись,

будто вздохнули, и из-под них просочился густой, манящий аромат свежеиспечённого хлеба.

Окси резко обернулась, будто почувствовала движение за спиной, но там не было ничего, кроме бесконечного коридора, затянутого слоями чужой памяти.

— Он играет с нами, — процедил Фаргус.

— Не просто играет, — поправила Сиринити. — Он про-
бует нас на вкус.

Коридор сужался. Листы на стенах становились всё свежее, будто их приклеивали только что. И на каждом новом слое их имена встречались всё чаще, а описания любимых блюд становились всё точнее, вплоть до мельчайших деталей, которые знали только они сами.

Оптимист остановился перед местом, где на стене висел одинокий лист без текста — только пятно, похожее на след от пролитого супа. Он протянул руку и коснулся его. Бумага была мокрой. И тёплой.

В этот момент коридор вздрогнул. Обои зашелестели, как крылья тысяч голодных птиц. И из темноты впереди донёсся тихий, вкрадчивый шёпот, который каждый слышал на своём языке:

«Вы почти пришли. Стол ждёт. Блюда готовы. Ваши любимые. Ваши личные. Ваши последние».

Даффи сжал зубы. Он знал, что надкусить любое из этих блюд — значит забыть часть себя. Но он также понимал, что если остальные начнут есть, они забудут и его. И тогда он

останется один в мире, где никто не помнит, кто он такой.

— Мы не должны садиться за этот стол, — повторил Даффи, глядя прямо перед собой, туда, где коридор растворялся в мерцающем свете.

Остальные посмотрели на него. В их взглядах была усталость, голод и страх. Но в этот миг они увидели в Даффи Толстяке не комического персонажа, не просто любителя поесть, а того, кто готов голодать, лишь бы помнить.

Коридор снова вздрогнул, и обои на стенах зашептали их имена, сплетая их в один длинный, бесконечный список желаний, которые Разлом собирался исполнить — и забрать взамен.

Шестеро стояли в центре коридора, окружённые слоями чужой и своей памяти. И каждый из них понимал: следующий шаг определит, сколько себя они смогут унести с собой из этого места.

Разлом ждал. И он был терпелив.

Глава 3. «Зал, где время подгорает»

Зал не имел стен — только границы из густого сумрака, который колыхался, будто тяжёлый пар над кипящими котлами. Стол стоял ровно посередине, накрытый скатертью, которая при ближайшем рассмотрении оказалась сплетённой из тончайшей паутины. Она переливалась в холодном свете, и каждый узел в ней напоминал забытое обещание.

Свечи горели синим пламенем, неподвижным, словно за-

стывшим в янтаре. Не было ни треска, ни колыхания — огонь просто существовал, как нечто, что не подчиняется законам мира. Над столом не было потолка: вместо него раскинулось небо Разлома. Там, где должны были сиять звёзды, висели остывающие кастрюли и сковородки, тускло мерцающая, будто угасающие солнца.

Оптимист остановился у края стола, чувствуя, как пол под ногами едва заметно вибрирует — будто зал прислушивается к их шагам. Фаргус коснулся края скатерти, и пальцы его на мгновение стали прозрачными, словно растворились в узоре паутины. Он резко отдернул руку, но на ладони остался тонкий серебристый след.

Прима шла последней. Её тянуло назад, к коридору, к возможности сбежать, но ноги будто налились свинцом. Когда она наконец встала у стола, её взгляд упал на приборы. Их было семь. Шесть изящных, отполированных до зеркального блеска. И седьмой — потрёпанный, с потемневшими краями, вилка на нём покрыта ржавчиной, похожей на засохшую кровь.

— Седьмой... для кого? — прошептала Прима, и её голос прозвучал слишком громко в этой неестественной тишине.

Никто не ответил.

Даффи Толстяк шагнул вперёд. Стул под ним скрипнул — резко, знакомо, точно так же, как скрипела табуретка на кухне у бабушки, когда он садился обедать. Этот звук ударил по сердцу, тёплый и одновременно болезненный. Даффи за-

мер на миг, а потом медленно опустился на сиденье.

— Я сяду первым, — тихо сказал он, будто оправдываясь перед самим собой.

Окси смотрела на блюда, расставленные перед каждым местом. Перед ней стояла тарелка с пирожными, которые она любила в детстве — те самые, с розовой глазурью и крошечной вишенкой сверху. Но стоило ей наклониться, чтобы разглядеть их получше, как глазурь будто потекла, обнажив тёмную, вязкую сердцевину. Окси отшатнулась, прижав ладонь ко рту.

Перед Сиринити стояла чашка горячего чая. Пар поднимался от неё, складываясь в очертания лиц — знакомых и незнакомых, будто воспоминания пытались вырваться наружу. Сиринити не потянулась к чашке. Она знала: вдохнуть этот пар — значит впустить в себя чужие истории, которые вытеснят её собственные.

Фаргус увидел перед собой миску с густым супом, аромат которого был до боли родным. Он вспомнил зимний вечер, когда они с отцом сидели у печки и ели этот суп, и на миг ему захотелось забыть всё, кроме этого тепла. Но потом он заметил, как на поверхности бульона всплывают крошечные пузырьки, похожие на застывшие слёзы.

Оптимас смотрел на свой прибор. Его тарелка была пуста. Только в центре лежал маленький кусочек пергамента, сложенный в форме птицы. Он развернул его и прочёл одну строчку: «Ты помнишь, кого не смог спасти?» Слова обо-

жгли, будто выжженные на коже.

Даффи смотрел на своё любимое рагу. Оно дымилось, машило, пахло домом, безопасностью, тем самым чувством, которое он так ценил. Но в глубине тарелки что-то шевелилось — не мясо и не овощи, а обрывки воспоминаний, скрученные в тугие узлы.

Он сжал кулаки под столом.

— Мы не должны есть, — сказал Даффи, и в его голосе звучала не слабость, а решимость.

Прима хотела возразить. Желудок сводило от голода, который накатывал волнами, будто сам зал подливал масла в огонь этого желания.

— Но если мы не будем есть... что с нами станет? — её голос дрожал.

Сиринити положила ладонь на её плечо.

— Станем теми, кто помнит. Даже если это будет больно.

В этот момент свечи мигнули, и синий свет на секунду сменился тёплым, золотистым — таким, каким бывает свет в доме, когда все собрались за ужином. На миг зал стал почти уютным. Почти нормальным.

Но затем свет снова стал холодным. И седьмой прибор на столе тихо звякнул, будто кто-то невидимый провёл пальцем по краю тарелки. Ржавчина на вилке заблестела, как свежая кровь.

Оптимас посмотрел на Даффи.

— Ты самый спокойный из нас, — сказал он.

Даффи криво улыбнулся.

— Может быть. Но спокойствие не в том, чтобы не бояться. А в том, чтобы помнить, чего ты не хочешь потерять.

Зал снова вздрогнул, и над столом пронёсся шёпот, сотканный из тысяч голосов:

«Вы пришли голодными. Вы уйдёте пустыми. Или останетесь полными — но без себя».

Прима медленно потянулась к своему пирожному. Пальцы дрожали. Окси стиснула кулаки, пытаясь удержать воспоминания. Фаргус отвёл взгляд от супа, заставляя себя не поддаваться зову запаха. Сиринити закрыла глаза, будто в темноте было легче держаться за себя.

А Даффи смотрел на своё рагу и понимал: каждый кусочек — это страница его жизни, которую Разлом хочет вырвать и сжечь. И если он съест, он станет легче. Но он перестанет быть собой.

Он медленно отодвинул тарелку.

— Пусть я буду голодным, — тихо произнёс Даффи. — Но я хочу помнить.

Шестеро сидели за столом, окружённые ароматами, которые хотели их подчинить. Седьмой прибор ждал своего гостя. А зал, где время подгорало и становилось горьким, слушал их молчание — и готовился сделать следующий ход.

Глава 4. «Блюдо первое — Суп из первого страха»

Миска появилась перед Окси без звука — просто возник-

ла, будто выросла из самой скатерти. Бульон в ней был золотым и прозрачным, как расплавленный янтарь, и в этой прозрачности плавало то, чего не могло быть: тонкая, дрожащая тень ребёнка, сжавшегося в углу комнаты. Ребёнок боялся темноты — и эта дрожь была осязаемой, почти слышной.

Окси узнала себя. Ей снова было пять. Ночь, когда отец ушёл и не вернулся. Тогда тишина в доме стала громче любого крика, а темнота — живой, дышащей вещью, которая подползала всё ближе. Она смотрела на эту тень и чувствовала, как к горлу подступает тот самый детский ужас — холодный, липкий, беззащитный.

Ложка легла в её руку сама. Не тяжёлая, не металлическая — будто сотканная из воспоминаний. Окси поднесла её к губам. Над каждым глотком висело воспоминание, готовое стать ингредиентом. Разлом не просто кормил — он варил из страхов, из потерь, из самых хрупких чувств. И каждый глоток забирал не просто память — он забирал ощущение, смысл, саму суть пережитого.

Она сделала первый глоток.

Тепло прокатилось по горлу, но вместо облегчения пришло странное опустошение — как будто из груди вытащили что-то тяжёлое, а взамен оставили пустоту. Окси моргнула, и тень ребёнка растаяла. А вместе с ней исчезло и само ощущение «папа». Не имя, не лицо, не история — а то самое чувство, которое делает слово «отец» не просто словом, а частью себя. Оно стёрлось, как стирается след на мокром

песке.

— Нет, — хрипло выдохнул Даффи.

Он рванулся вперёд и схватил Окси за руку. Его пальцы впились в её запястье, грубее, чем он хотел, но сейчас ему было не до осторожности. Одним резким движением он опрокинул миску. Золотой бульон выплеснулся на паутинную скатерть, зашипел, словно живой, и на миг в этом шипении прозвучал голос — не человеческий, а будто сотканный из тысяч забытых слов:

«Ты только что украл у неё исцеление. Страх — это тоже память о себе».

Окси покачнулась, будто её выдернули из сна на самом краю падения. Она посмотрела на Даффи, и в её глазах мелькнуло непонимание, смешанное с благодарностью.

— Я... я чуть не забыла, — прошептала она, голос дрожал, как у той самой пятилетней девочки.

Даффи не отпустил её руку. Он смотрел на растекающийся бульон, и в нём, как в зеркале, мелькали чужие страхи, чужие потери.

— Здесь нет исцеления, — тихо, но твёрдо сказал он. — Здесь только обмен. Ты отдаёшь себя по кусочкам, думая, что избавляешься от боли. А на самом деле ты теряешь то, что делает тебя тобой.

Прима стояла рядом, прижав ладони к вискам, будто пыталась удержать мысли на месте. Перед ней на тарелке лежало пирожное, и каждый его слой был прошит тонкими ни-

тями воспоминаний. Она видела, как эти нити тянутся к её сердцу, как пытаются вплестись в неё.

Фаргус оттолкнул от себя миску с супом, который ещё минуту назад казался ему спасением. Теперь он видел, как на поверхности бульона всплывают крошечные пузырьки — не воздух, а застывшие мгновения, которые Разлом хотел забрать.

Оптимист не смотрел на еду. Он смотрел на седьмой прибор. Ржавчина на вилке теперь казалась не просто налётом — а следами тех, кто уже сел за этот стол и исчез, оставив после себя только пустоту.

Сиринити подошла к Оксиде и положила ладонь ей на плечо.

— Ты помнишь, кто ты? — тихо спросила она.

Оксиде сжала кулаки, пытаясь удержать ускользающие ощущения.

— Помню, — прошептала она, и это прозвучало как клятва.

Зал будто вздохнул — тяжёлым, горячим вздохом, от которого паутиная скатерть натянулась и зазвенела, как струна. Свечи вспыхнули ярче, и на секунду их синее пламя окрасилось в багровый цвет. Над столом пронёсся шёпот, сотканный из голосов тех, кто когда-то сел за этот стол:

«Вы думаете, что спасаете себя. Но вы просто откладываете неизбежное. Голод сильнее памяти. Рано или поздно вы выберете тарелку».

Даффи посмотрел на свою миску с рагу. Аромат был таким родным, таким манящим, что желудок сводило от желания. Но он знал: этот запах — ловушка. Каждый кусочек будет стирать не боль, не страх, не тяжёлые воспоминания — а те мелочи, из которых складывается его «я»: смех матери, запах дождя на горячей земле, ощущение, что он кому-то нужен.

Он медленно отодвинул миску.

— Пусть я буду голодным, — сказал Даффи, глядя прямо в мерцающую глубину зала. — Но я хочу помнить.

Остальные посмотрели на него. В их взглядах читались усталость, голод и страх. Но теперь в них было и что-то ещё — уважение. Они видели в Даффи не просто парня, который любит поесть, не комического персонажа, а того, кто готов голодать, лишь бы остаться собой.

Зал снова замер, прислушиваясь к их молчанию. Седьмой прибор тихо звякнул, будто напоминая, что место всё ещё ждёт своего гостя. А суп из первого страха продолжал шипеть на скатерти, пытаясь вернуть то, что едва не забрал.

Шестеро стояли плечом к плечу, окружённые ароматами, которые хотели их подчинить. И в этой тишине они поняли: битва за себя только начинается.

Глава 5. «Фаргус и хлеб, который помнит руки матери»

Хлеб положили перед Фаргусом беззвучно — просто

вдруг возник на тарелке, будто всегда там лежал. Ржаной, с трещиной по корке, тёмной и шершавой, точно такой, какую пекла бабушка в деревне, которую сожгли в войну. Запах ударил под рёбра — дрожжи, дым, тёплая мука — и Фаргус почувствовал, как горло сжалось от чего-то, что он не позволял себе чувствовать годами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.